

УДК 94(4)“1914”

ЭПИЗОД ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЕВРОПЕЙЦЕВ: РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ 1914 ГОДА

М. А. Оболонкова

В контексте современных методологических подходов рассматриваются историко-культурные реалии рождественского перемирия на Западном фронте 1914 г., исследуются коммеморативные практики, обеспечивающие конструирование и сохранение в исторической памяти европейцев образа рождественского перемирия, ставшего одним из ресурсов европейской идентичности. Анализируются цели и смыслы присвоения современностью данного исторического опыта.

Ключевые слова: Первая мировая война, Западный фронт, рождественское перемирие 1914 г., историческая память, коммеморация.

Память... подобна перекрестку. То, что мы видим на пересечении дорог, зависит от направления, в котором мы движемся.

П. Хаттон

В прошлом мы знали, чьи мы были сыновья. Сегодня мы знаем, что мы дети ничьи и всего мира.

П. Нора

Методологические поиски историков XX в., направленные на разработку концептов «коллективной памяти», «исторической памяти», «культурной памяти», во многом инициированные работами М. Хальбвакса, продолженные Я. Ассманом, П. Нора, Ф. Йейтсом, П. Хаттоном и др. [Хальбвакс, 2007; Ассман, 2004; Нора, 1999; Йейтс, 1997; Хаттон, 2003], сформировали целое направление, в рамках сначала западного, а затем и отечественного гуманитарного знания – *memory studies*. Ключевой в этих научных изысканиях является категория исторической памяти. Междисциплинарность феномена исторической памяти проявляется в том, что к ней не устают обращаться не только историки, но и философы, социологи, антропологи, культурологи, политологи.

Если коллективная память, по мнению Л. П. Репиной, рассматривается как «общий опыт, пережитый людьми совместно», то историческая память трактуется как «совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» [Репина, 2004, с. 42]. Этот, по выражению М. Хальбвакса, «багаж исторических воспоминаний», который «может увеличиваться при помощи разговоров или чтения», есть, как он считал, «заимствованная память». Французский исследователь увидел в исторической памяти важный фактор самоидентификации социальной группы. События оставляют след в национальном сознании, когда в той или иной части группы жива традиция, связанная с ними: «Рассматривая свое прошлое, группа чувствует, что она осталась той же, и осознает свою самотождественность во временном измерении» [Хальбвакс, 2005].

Неотъемлемыми характеристиками исторической памяти являются ее актуальность и избирательность. Социолог Ж. Т. Тощенко расценивает историческую память как «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [Тощенко, 2000]. Одни события прошлого блекнут и стираются из коллективных воспоминаний, другие – сохраняются, иногда, казалось бы, неожиданно, становясь яркими, как проявившаяся переводная картинка. Исследователями памяти практически общепризнано, что «релевантность события обусловлена не «историческим прошлым», а постоянно меняющимся настоящим, удерживающим в памяти самые важные факты данного события, его смысл. Иными словами, «история памяти» анализирует значение, которое настоящее придает событиям прошлого» [Арнаутова, 2006, с. 55]. Как сформулировал немецкий социолог Х. Вельцер, «память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным» [Вельцер, 2005]. С точки зрения американского

историка А. Мегилла, «память так же много сообщает нам о сегодняшнем сознании того, кто вспоминает, как и о самом прошлом. Память – это образ прошлого, субъективно сконструированный в настоящем» [Мегилл, 2007, с. 124]. При этом нельзя не заметить, что коллективные воспоминания о прошлом практически всегда сохраняют эмоциональную окраску.

Одним из свойств исторической памяти является тенденция к рассмотрению отдельных эпизодов исторического прошлого, говоря метафорически, сквозь увеличительное стекло. Такая рода «историческая асимметрия», как замечают социологи, свидетельствует об осознанном или неосознанном социальном заказе [Лыкова, 2007].

В поисках ответа на вопрос о том, как функционирует историческая память, французскими исследователями был введен в научный оборот термин «место памяти» (П. Нора). Места памяти – не пространственная категория, это разнообразные каналы, связывающие человека с прошлым, наделенные общими для групп людей смыслами и возникающие в результате коммеморации, т.е. комплекса разнообразных способов, с помощью которых в обществе сохраняется, фиксируется и передается дальше память о прошлом. Коммеморация представляет собой «процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, ... служит выражением солидарности группы» [Нора, 1999]. Наличие или отсутствие культурной связи сообщества с конкретными событиями прошлого, в широком смысле – связи с «предками» – в значительной степени обусловлено этим процессом и степенью его эффективности.

Исходя из обозначенных методологических подходов, нам хотелось бы обратиться к одному из эпизодов первой мировой войны – знаменитому рождественскому перемирию 1914 г., проанализировать, как оно зафиксировалось в опыте участников, интерпретировалось ими и как впоследствии интегрировалось в историческую память европейцев.

Рождественское перемирие, заключенное в 1914 г. на многих участках Западного фронта, нашло отражение в разнообразных источниках. Письма солдат и офицеров, опубликованные в различных английских и немецких газетах этого периода войны; обширные эпистолярные подборки, сделанные журналистом Дионео (И. В. Шкловский), писателем К. Чуковским и представленные в российских общественно-политических журналах того периода; а также опубликованные в Великобритании во время войны сборники солдатских писем [Adcock, 1915; Kilpatrick, 1914] дают богатый материал для анализа этой части исторической и социокультурной реальности конца 1914 г.

В отличие от подобных перемирий, традиционно заключавшихся во время предыдущих войн и всегда санкционированных «сверху», в данном случае временное прекращение военных действий таковым не было. Перемирие, заключенное в сочельник 24 декабря 1914 г., было вызвано не только религиозными мотивами, но и острой практической необходимостью – требовалось похоронить убитых солдат, чьи тела оставались на «ничьей» земле.

«Высшие власти отказались объявить перемирие во время Рождества, но солдаты тем не менее установили мир сами», – сообщал в письме домой молодой британский волонтер [Русские..., 1915, с. 267]. Близкое расположение окопов способствовало тому, что противники хорошо слышали друг друга. Судя по многочисленным свидетельствам, солдат подтолкнули к сближению рождественские песни, которые они запели хором, вызвав аплодисменты и ответные песни в траншеях вчерашних неприятелей. Из рассказов о том, как начался процесс заключения перемирия, видно, что на одних участках фронта инициатива исходила от англичан, которые, выбросив белый флаг, «подошли к германским окопам, неся в руках рождественские пирожки», на других – немцы иллюминировали свои траншеи и предложили спеть для англичан, после чего состоялись встречи с рукопожатиями и обменом подарками [Там же]. На многих участках фронта, где окопы находились очень близко друг к другу, рядовые солдаты обеих армий сами договорились о 48-часовом перемирии.

«По-видимому, все наши рождественские затеи с самого начала не понравились начальству обеих сторон, но рядовые взяли дело в свои руки», – писал солдат английской армии [Чуковский, 1916, с. 103]. Очевидно, что офицеры, которые зачастую и не приветствовали подобное поведение своих солдат – хотя были и среди них одобрительно относящиеся к солдатской инициативе – все-таки вынуждены были смириться, а порой и сами принимали участие в беседах и встречах с противником. Один из офицеров писал родным, что был шокирован, когда узнал, что некоторые из его солдат отправились в немецкие окопы, так как «это было серьезным нарушением правил». «В кон-

це концов тех и других заставили вернуться в свои окопы, но противники пели всю ночь...» [The Times, 1915]. На некоторых участках фронта тесные контакты с противником удалось предотвратить таким образом: когда к английским окопам подошли немцы с поздравлениями, британцы сказали им, что они находятся в состоянии войны и «должны соблюдать правила игры и делать вид, что воюют» [Ibid.]. Но в других местах братание солдат продолжалось всю ночь.

Материалы источников личного происхождения свидетельствуют о том, что эти события воспринимались многими участниками как сюрреалистичные. «Трудно представить себе более удивительное зрелище. Наши солдаты и немцы стояли группами или гуляли между траншеями, как будто дело происходило в Гайд-парке... Курьезно то, что некоторые из немцев жили раньше в Лондоне. Я встретил одного немца, с которым ежедневно по утрам отправлялся в одном и том же поезде из Финчли в Сити...» – говорится в письме английского солдата [The Daily..., 1914]. «Когда рождественские колокола зазвучали в вогезских деревнях в тылу, случилось что-то фантастически невоенное...», – отмечал солдат, воевавший в немецком полку, располагавшемся в районе горного массива Вогезов¹. «Было сложно поверить, что мы воевали друг с другом», – констатировал другой немецкий солдат [Weintraub, 2001] (Курсив мой. – М. О.).

Оценивая поведение британских и немецких солдат в рождественские дни, можно говорить об отсутствии у них органической национальной ненависти друг к другу. В солдатских письмах можно найти множество высказываний такого типа: «По-видимому, они (немцы. – М. О.) – хорошие малые», «о них я теперь неизмеримо лучшего мнения, чем раньше», «немцы совсем не кажутся такими дьяволами, как их изображают» [Русские..., 1915, с. 271]. Это 48-часовое перемирие сыграло немалую роль в выработке собственного отношения воюющего солдата к противнику, больше основанного на личном опыте, нежели на том, что формировалось официальной пропагандой и общественным мнением. Доминирование прежних стереотипов начинает уступать место собственным личностно-значимым и эмоционально-окрашенным образам противника, которые формировались в результате индивидуального опыта. Оценки, привнесенные извне, снижали свою значимость, вынесенное же из личного опыта приобретало больший вес и ценность.

Некоторыми участниками событий и журналистами рождественские события 1914 г. объяснялись только сакральными мотивами. «Яростная ненависть друг к другу, которая бушевала с начала войны, преодолена... силой Рождества... Это действительно огромная победа религии», – заключал в письме офицер британской армии [The Times, 1915]. Конечно, религиозные настроения сыграли свою роль, но было бы упрощением сводить все причины происшедшего только к ним. Факты общения английских солдат с противником случались не только в рождественские дни. Еще за 10 дней до Рождества один из английских офицеров сообщал: «Наши окопы так близки к немецким, что мы болтаем с неприятелем целые дни». Говоря об одном из немцев, он продолжает: «Он очень хороший стрелок, “наши” знают всю его биографию» [Чуковский, 1916, с. 103].

Известно, что война, особенно на начальном ее этапе, воспринималась многими британскими участниками как некое состязание, спортивное соревнование, «большая игра». Об отношении англичан к войне как к спорту нередко упоминали и противники, и союзники, трактуя это как специфику британского менталитета. Военно-спортивный этический кодекс занимал традиционно высокое место в иерархии ценностей британцев. Перемирие на Рождество 1914 г. олицетворяло, с одной стороны, старинные принципы и традиции ведения войн, во время которых временные заключения мира были нормой. С другой стороны, в рамках спортивной этики перемирие воспринималось даже не как временное прекращение военных действий с врагом, а как тайм-аут в игре с противником.

Неслучайно одним из главных акцентов в череде событий этих 48 часов, отраженных в письмах, дневниках, мемуарах, газетных публикациях стали многочисленные упоминания о футбольном матче, состоявшемся между английскими и немецкими солдатами на нейтральной полосе во время перемирия. Авторы этих фрагментарных упоминаний, не являясь сами участниками футбольного поединка, чаще всего ссылаются на то, что слышали о таком футбольном матче, проходившем где-то на соседнем участке фронта, либо видели, как солдаты вражеских армий, сняв свои каски и шлемы, соорудили из них стойки ворот и затеяли игру в футбол. С. Уайнтроб в своей книге приводит свидетельства о футбольном матче между англичанами и саксонцами, ссылаясь на соответствующую запись в официальной боевой истории 133-го Саксонского полка [Weintraub, 2001]. Сведения о состоявшемся футбольном матче весьма разноречивы, и доподлинно неизвестно, проходил ли он во Фландрии, как утверждают многие, или во Франции, да и был ли в действительно-

сти вообще. Вероятнее всего таких футбольных баталий было несколько. Тем не менее, разные авторы свидетельств удивительным образом нередко приводят один и тот же счет, с которым закончился матч – 2:3 в пользу немцев.

Личные встречи британских и немецких комбатантов в рождественские дни 1914 г. сформировали более живой и гуманистический облик неприятеля в противовес образу абстрактного врага, находящегося по ту сторону линии фронта. Окончание перемирия и необходимость продолжать воевать со ставшими более понятными германскими солдатами вызывало у английских фронтовиков чувство фрустрации. «Сегодня перемирие кончено. Если кто-нибудь покажет голову хоть на миг из траншеи, то сделает это в последний раз», – писал рядовой британской армии [Русские..., 1915, с. 272]. Чрезвычайно показательным письмом другого солдата, написанное сразу после перемирия: «Я слышал, что вечером опять начнется бой, только лучше бы нам пришлось драться против других окопов, а не против наших рождественских друзей» [Чуковский, 1916, с. 105]. Здесь ярко отразились противоречивые процессы, произошедшие в массовом сознании британских комбатантов начального периода войны. С одной стороны, усилившееся после Рождественского перемирия гуманистическое мироощущение, нежелание убивать противников, которые стали восприниматься как конкретные живые люди, способствовали порождению неконформистских поведенческих реакций. С другой стороны им противостояли представления о военной чести и долге, ощущение необходимости довести начатое дело до конца, сформированная привычка играть свою игру до финала.

На участках фронта, где австро-германские войска воевали с русской армией, братания солдат тоже, как известно, имели место, но приходились они не на Рождество, а на пасхальные дни. Первые случаи братания, как отмечает С. Н. Базанов [Базанов, 2002], были официально зарегистрированы российским командованием в апреле 1915 г. и более массово вновь повторились в день Пасхи 10 апреля следующего года. Генерал Ю. Н. Данилов так описывал феномен братания: «На нейтральной полосе между окопами завязывается оригинальное знакомство. Сблизившись, люди пожимают друг другу руки, обмениваются непонятными словами, газетами, папиросами, а иногда и бутылками спирта или другого напитка. С нашей стороны наиболее смелые, влекомые все тем же любопытством, заглядывают в чужие окопы и рассказывают потом чудеса о житье-бытье немецких солдат...» [Данилов, 1992, с. 147]. Общеизвестно, что участвовавшие на этих участках фронта братания, в которых немалую роль позднее сыграли большевистские агитаторы, вкупе с другими обстоятельствами привели к падению боевого духа русской армии и активному нежеланию продолжать войну.

При этом нельзя не заметить, что источники почти не упоминают случаев братания между французскими и немецкими солдатами. Английский военный психолог Н. Коупленд отмечал: «Сама мысль об этом в период 1914–1918 гг. показалась бы французам чудовищной. Настроения двух союзных армий оставались резко противоположными с первого до последнего дня войны. Для француза война была личным, а не посторонним делом. Он сражался на своей земле; его жена и дети были вынуждены покинуть свой очаг или находились рядом с полем боя; его города, деревни, церкви превращались в руины. Если английские солдаты почти дружески называли своего немецкого противника «Джерри», то для француза он был ненавистным «бошем» [Коупленд, 1991].

Очевидно, что эти обстоятельства, переплетенные с историческим опытом франко-прусской войны, были мощным препятствием для французских солдат на пути массового установления перемирия, подобного тому, что происходило в Рождество 1914 г. на немецко-британских участках фронта или в пасхальные дни на русско-немецкой части фронтовой линии. Правда, в сведениях о биографии Ричарда Ширмана, немецкого учителя и основателя первого молодежного хостела, есть упоминание о рождественском перемирии, спонтанно заключенном в 1915 г. между немецкими и французскими солдатами, находящимися в районе Вогезов². Тогда 40-летний Р. Ширман был под очень сильным впечатлением от этого события. Вероятно, отчасти под воздействием этих воспоминаний после войны он много усилий посвятил созданию Международной ассоциации молодежных хостелов. Он считал, что «думающие молодые люди из всех стран должны быть обеспечены подходящими местами встреч, где они могли бы получить возможность узнать друг друга. Такой может и должна быть роль наших молодежных хостелов не только в Германии, но и во всем мире, как мостов мира между нациями» [Landes, 2002, p. 95].

События фронтового рождественского перемирия 1914 г. отделены от сегодняшнего дня по-

чти столетием. За это время необычное Рождество, став объектом коммеморации европейских народов, участвовавших в Великой войне, превратилось в одно из «мест памяти» социокультурной ткани современности.

Среди практик коммеморации одной из самых буквальных, пожалуй, являются монументы и мемориалы, которые служат своего рода условными знаками фактов прошлого, значимых для определенного сообщества. Так, в 1999 г. в Бельгии, недалеко от Ипра, был установлен памятный крест, текст на котором гласит: «1914 – Рождественское перемирие боевых товарищей – 1999 – 85 лет – Чтобы мы не забыли»³. В 2008 г. к 90-летию окончания первой мировой войны во французской деревне Фрелинген на границе с Бельгией был торжественно установлен мемориальный знак в память о рождественском перемирии, состоявшемся здесь на немецко-британской линии фронта между комбатантами второго королевского полка валлийских стрелков, с одной стороны, и солдатами пулеметной роты 6-го прусского стрелкового батальона и 134-го саксонского пехотного полка – с другой. Показательно, что церемония открытия этого памятного знака сопровождалась футбольным матчем между британскими и немецкими солдатами. Более того, обозреватели отмечают, что в память о том рождественском футбольном матче во Фрелингене заведена традиция ежегодного проведения футбольного соревнования между командой местного колледжа и немецкими молодыми людьми, работающими в течение лета на немецком кладбище⁴.

Рождественский футбольный матч реконструируется впоследствии в разных коммеморативных формах, например, в массовой культуре, в частности, в поп-музыке конца XX в. Так, вышедший в 1983 г. альбом Пола Маккартни «Трубы мира» («Pipes of Peace») возглавил британский хит-парад, а центральная песня этого альбома была представлена видеоклипом режиссера Кейта Макмиллана. По сюжету видеоклипа накануне первого военного Рождества встречаются два отряда союзных армий – британской и французской. Военный быт тосклив, сер и холоден. Два солдата, англичанин и француз, получив накануне от почтальона письма из дома с фотографиями своих жен, обмениваются рукопожатиями, демонстрируют друг другу полученные фотографии, а после этого играют в футбол⁵. Написанная в 1990 г. песня «Сейчас вместе» (“All Together Now”) ливерпульской группы «The Farm», посвященная состоявшемуся на импровизированном футбольном поле во время рождественского перемирия 1914 г. матчу между британскими и немецкими солдатами, была выбрана в качестве официального гимна сборной Англии на чемпионате Европы по футболу в 2004 г.⁶

Ресурсом коммеморативного действия, связанного с рождественским перемирием, стал и кинематограф. Показателен в этом смысле фильм французского режиссера Кристиана Карриона «Счастливого Рождества» (2005 г.). По замыслу сценариста война собрала на фронте в рождественский сочельник 1914 г. военнослужащих и мирных жителей. Это немецкий солдат, до войны – именитый тенор Берлинской оперы; его возлюбленная, датчанка, партнерша по вокальному дуэту, прощавшаяся на передовую для короткой встречи; шотландский капеллан и французский лейтенант. Оперная пара решает спеть на ничьей земле свои лучшие арии, которым внимают совсем недавно стрелявшие друг в друга противники, а шотландский батальон неожиданно начинает аккомпанировать на волынках. В результате у множества солдат трех воюющих армий неожиданно возникает ощущение единства, своеобразного братства, которое помогает людям выйти из окопов, знакомиться, поздравлять друг друга с Рождеством, выпивать, играть в футбол. Можно согласиться с А. Плаховым, который увидел в этом фильме «метафору единой Европы, вышедшей, несмотря на все противоречия, из лона общей цивилизации и культуры» [Коммерсантъ, 2005].

В спектре современных практик коммеморации в процессе конструирования исторической памяти невозможно не учитывать роль средств массовой информации, задающих акценты в подаче информационных материалов и их интерпретациях. Так, в 2005 г. «BBC News» сообщили о смерти старейшего британского ветерана первой мировой войны Альфреда Андерсона, прожившего 109 лет. «Смерть мистера Андерсона – это огромная потеря», – сказал в связи с этим министр по делам ветеранов Соединенного Королевства. В некрологе было подчеркнуто, что «в 1914 году Андерсон участвовал в знаменитом Рождественском перемирии, когда на нейтральной территории во Франции британские и немецкие солдаты пожали друг другу руки» [Prince..., 2005]. В необычайно долгой и богатой событиями жизни ветерана этот факт биографии был подчеркнут как один из особо ценных.

В процессе коллективного памятования о коротком рождественском мире 1914 г. активной-

шим образом сегодня участвует интернет-среда: свободные энциклопедии, разнообразные интернет-порталы, многочисленные блоги, специализированные сайты и т.д. Запрос к поисковой системе Google с формулировкой «The Christmas Truce» дает примерно 119000 результатов. Исторический эпизод рождественского перемирия первого года первой мировой представлен таким обширным разнообразием репрезентаций в интернет-пространстве (текстовые материалы с разными типами содержания, аудио- и видео-файлы, фотографии эпизодов исторического события, отчеты участников исторических реконструкций и др.), что это заслуживает, на наш взгляд, специального изучения с точки зрения особенностей коммеморации в эпоху электронного воспроизводства и распространения информации. Здесь же отметим только то, что, несмотря на многочисленное дублирование, само количество и разнообразие образов рождественского перемирия, репрезентированных во всемирной паутине огромным числом акторов, конструирующих и сохраняющих в исторической памяти своего сообщества этот эпизод первой мировой войны, впечатляет.

Однако неизбежно возникает вопрос: почему это маленькое событие Великой войны так привлекает современного человека? Размышляя, почему прошлое вообще привлекает человека, английский историк американского происхождения Д. Лоуэнталь в своей книге «Прошлое — чужая страна» выдвигает тезис: прошлое может присваиваться современностью, адаптироваться к современным реалиям, и в этом случае оно становится «наследием». Смысл присвоения прошлого заключается в том, что оно является источником «выгод», среди которых автор выделяет ряд категорий: «узнаваемость и понимание; подтверждение и удостоверение; индивидуальная и групповая идентичность; руководство; обогащение; и бегство» [Лоуэнталь, 2004, с. 86].

Если воспользоваться этой концепцией «выгод прошлого», то можно заметить, что рождественское перемирие 1914 г. как эпизод ушедшего времени может рассматриваться в качестве источника всех перечисленных «выгод»:

1. Память о данном конкретном опыте помогает узнаванию и пониманию европейцами ружбежа XX–XXI вв. изменившейся конфигурации социально-политического и социокультурного европейского пространства в связи объединением Европы.

2. Это прошлое удостоверяет сегодняшние общеевропейские установки, ценности, действия, подтверждая их общность с прежними, способствуя их легитимации.

3. Рождественский опыт универсального единения 1914 г., интегрировавшийся в историческую память европейцев, может рассматриваться как один из «кирпичиков» для формирования современной европейской идентичности.

4. Из истории 48-часового перемирия извлечен своеобразный урок народной дипломатии, и эта практика тоже может рассматриваться как «выгода» – руководство.

5. Неординарное событие обогатило современность яркими воспоминаниями и образами, в результате чего европейское настоящее приобрело большую глубину и смысл.

6. История рождественского перемирия дает возможность и для «бегства», о котором тоже говорит Д. Лоуэнталь как о еще одной «выгоде» от прошлого, бегства не в смысле полного отказа от настоящего, а как об отдушине, своеобразном «запасном аэродроме». Сюда помимо профессиональных историков время от времени отправляется немало любителей истории, самостоятельных исследователей первой мировой, сторонников исторического туризма, участников исторических реконструкций.

Прав Пьер Нора, заметивший что «сегодня историк далеко не одинок в порождении прошлого» [Нора, 2005].

Примечания

¹ См. Christmas Truce: French-German Truce. Museum of Learning [электронный ресурс]. URL: http://www.museumstuff.com/learn/topics/Christmas_Truce::sub::French-German_Truce

² Там же.

³ Christmas Truce / Wikipedia. The Free Encyclopedia [электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Christmas_truce

⁴ Frelinghien / Christmas Truce 1914. First World War [электронный ресурс]. URL: http://www.webmatters.net/monuments/ww1_frelinghien.htm

⁵ Pipes Of Peace / Paul McCartney [электронный ресурс]. URL: http://maccarock.narod.ru/pipesofpeace_clip.htm

⁶ All together now / THE FARM [электронный ресурс]. URL: <http://www.viddler.com/explore/pricopsorin/videos/19>

Библиографический список

- Adcock J.* Seeing It Through. How Britain Answered the Call. L.; N.-Y.; Toronto, 1915.
- All together now / THE FARM [электронный ресурс]. URL: <http://www.viddler.com/explore/pricopsorin/videos/19>
- Christmas Truce / Wikipedia. The Free Encyclopedia [электронный ресурс]. URL: <http://en.wikipedia.org>
- Christmas Truce: French-German Truce. Museum of Learning [электронный ресурс]. URL: http://www.museumstuff.com/learn/topics/Christmas_Truce::sub::French-German_Truce
- Frelinghien / Christmas Truce 1914. First World War [электронный ресурс]. URL: http://www.webmatters.net/monuments/ww1_frelinghien.htm
- Kilpatrick J. A.* Atkins at War. As told in His Own Letters. L., 1914.
- Landes M.* The back door guide to short-term job adventures. Bercley. California, 2002 [электронный ресурс]. URL: <http://books.google.ru/books?id=yBkLE4c014kC&pg=PT108&lpg>
- Pipes Of Peace / Paul McCartney [электронный ресурс]. URL: http://maccarock.narod.ru/pipesofpeace_clip.htm
- Prince in tribute to war veteran // BBC News. Monday, 21 November, 2005 [электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/scotland/4456234.stm
- The Daily Chronicle. 1914. 30 Dec.
- The Times. 1915. 2 Jun.
- Weintraub S.* Silent Night: Remarkable Christmas truce of 1914. N.-Y., 2001.
- Арнаутова Ю. А.* Культура воспоминаний и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 55.
- Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Языки славянской культуры. 2004.
- Базанов С. Н.* «Немецкие солдаты стали... переползать к русским "товарищам" и брататься с ними» // Военно-исторический журнал. 2002. № 6.
- Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41) [электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html>
- Данилов Ю. Н.* На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992.
- Йейтс Ф.* Искусство памяти. СПб., 1997.
- Коммерсантъ. 17.12.2005.
- Коупленд Н.* Психология и солдат. М., 1991 [электронный ресурс]. URL: <http://bond007.h1.ru/extrem/extrem21p2.html>
- Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.
- Лыкова В. В.* Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. Курский гос. ун-т. 2007 [электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=11169857>
- Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007.
- Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41) [электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>
- Нора П.* Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999 [электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>
- Ретина Л. П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
- Русские записки. 1915. № 1.
- Тощенко Ж. Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4 [электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/НМЕМ.HTM>
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41) [электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М., 2007.
- Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003.
- Чуковский К.* Заговорили молчавшие (Англичане и война). Пг., 1916.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2010